

Домахина Надежда Михайловна

кандидат философских наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
domakhina.nm@yandex.ru

ПРИНЦИПЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.А. ЛАДЫЖЕНСКОГО

В статье представлена одна из граней творчества известного уроженца костромской земли, художника Г.А. Ладыженского, определяются его основные принципы и методы обучения рисунку и живописи, реализованные в годы работы преподавателем Одесской школы изящных искусств.

Ключевые слова: принципы и методы обучения рисунку и живописи во второй половине XIX века, художник-педагог Г.А. Ладыженский, Рисовальная школа Одесского общества Изящных искусств.

Педагогический опыт художника Геннадия Александровича Ладыженского (1853–1916) представляет определенный интерес как для исследователей его творчества, так и для практикующих художников-педагогов. О значимости педагогической деятельности Г.А. Ладыженского еще в 1950-х гг. заявил его ученик, Народный художник СССР А.А. Шовкуненко: «Художественное и педагогическое наследие... должно быть, наконец, собрано и внимательно изучено. ...Для всех нас это имеет не только познавательный, но и практический интерес: огромный творческий и педагогический опыт Г.А. Ладыженского может и должен быть широко использован...» [4].

Геннадий Александрович Ладыженский родился в старинной дворянской семье в уездном городе Кологриве Костромской губернии. По окончании в 1879 году живописного отделения Академии художеств (класс профессора барона М.К. Клодта) получил звание классного художника 2-й степени.

В 1882 году Г.А. Ладыженский был назначен преподавателем рисования в Одесское реальное училище, но в 1884 году он подает прошение в Академию художеств с просьбой оказать содействие в получении уроков рисования в рисовальной школе Одесского Общества Изящных Искусств (Одесской рисовальной школе). В прошении изложены мотивы просьбы, определяющие отношение художника к предмету его деятельности: «давать уроки удобнее в заведении, назначение которого есть искусство, чем в каких-либо частных учебных заведениях, где на предмет рисования смотрят как-то странно и учителя рисования имеют только для полного комплекта» [Цит. по: 5, с. 61]. Необходимые рекомендации были получены (свидетельство о контроле и опеке над выпускниками Академии), и художник занял должность преподавателя в Одесской рисовальной школе вместо умершего художника Петра Бони.

Одесская художественная школа выделялась среди русских художественных школ второй половины XIX – начала XX века как особым статусом – с 1885 года Одесская рисовальная школа «имела те же права, что и подготовительная школа при Академии художеств, – лучшие ученики могли поступать в Академию без экзаменов» [9, с. 62],

так и качеством результатов обучения: «Ее воспитанники отличались живым рисунком и очень непосредственным ощущением цвета...» [6, с. 165].

Ладыженский преподавал в первом классе школы рисунок геометрических тел и натюрморта, а в четвертом – живопись натюрморта. Среди воспитанников Г.А. Ладыженского известные русские и советские художники – Б.И. Анисфельд, Я.Г. Черников, П.К. Лихин, П.Г. Волокидин, Л.Е. Мучник, А.Н. Стилиануди, Е.И. Столица, И.И. Бродский, Н.И. Альтман, В.М. Мидлер, И.Н. Шульга, Т.Б. Фраерман, В.М. Синицкий, П.А. Нилус, А. Белый, С. Колесников и И. Колесников, И. Браз, А.А. Шовкуненко, М.В. Греков.

За тридцать два года преподавательской деятельности Ладыженский выработал собственную результативную манеру преподавания. Определить ее основные принципы возможно по воспоминаниям учеников художника. Особое внимание он уделял наиболее способным ученикам, П.А. Нилус вспоминал, что учащиеся «далеко не все были им довольны. Дело в том, что он учил только способнейших и не обращал внимание на всех остальных, полагая, что малоспособного ученика сделать художником нельзя» [7]. Выпускник Одесской рисовальной школы А.Н. Стилиануди в своих воспоминаниях подтверждает воспоминания Нилуса об особом внимании Ладыженского к способным ученикам: «Он имел своих любимчиков, к которым чаще подходил и даже поправлял их работы, не ограничиваясь одними указаниями. ... Г.А. (Геннадий Александрович. – Н.Д.) подолгу выдерживал в своем классе талантливых учеников, накапливая для ученической выставки их работы, и только когда он замечал, что ученик начинает уже давать работы сильнее, он переводил его в следующий класс...» [8]. По этим воспоминаниям можно характеризовать Г.А. Ладыженского как педагога, верного академическому принципу преподавания, согласно которому, следующий этап в обучении искусству не возможен без полного освоения предшествующего.

А.А. Шовкуненко делился воспоминаниями о педагогических методах Ладыженского с сотрудниками Одесской государственной картинной галереи А. Гонзаль и А. Котиним: «Педагогической

деятельности он (Г.А. Ладыженский. – *Н.Д.*) отдавал столько сил и энергии, что она в какой-то мере даже заслонила его творческую деятельность. Не потому ли его знают больше как педагога, чем как живописца. ... Убеденный реалист, он требовал от нас внимательного изучения и правдивой передачи натуры. Помню, как однажды работая в классе над натюрмортом, я долго бился над тем, чтобы предать блеск на блестящей, словно лакированной коже тыквы. Блик получался у меня белильным. Геннадий Александрович с удивлением спросил: «Почему вы пишете блик белилами? Ведь там есть фиолетовые, голубые, синие тона». «Я не вижу ни фиолетовых, ни голубых, ни синих тонов», ответил я. «А вы посмотрите, всматривайтесь, подумайте и поймете, увидите». Слово «подумайте» он повторил несколько раз. На утро, придя в класс, я сел за мольберт и долго всматривался в натюрморт. И к моему удивлению, все то, что говорил Геннадий Александрович, – и фиолетовые, и синие, и голубые тона – все это я увидел на блестящей поверхности тыквы. В этом небольшом факте раскрывается, на мой взгляд, умнее Геннадия Александровича натолкнуть ученика на осмысленное наблюдение натуры. «Думай, когда смотришь», – этого требовал он от учеников» [4]. Осмысленное отношение к предмету изображения и к воплощению его средствами живописи, анализ видимой реальности для решения четко поставленной художественной задачи – характерные требования педагога Ладыженского к ученикам.

Метод показа в педагогической системе Ладыженского занимал одно из центральных мест. И.И. Бродский вспоминал: «До натюрмортного класса я никогда не занимался живописью. Я пришел в класс, сделал рисунок, но не знал, как держать кисть, как писать красками, не знал, как выдавливать на палитру краски и как их составлять. Я отчетливо помню, как подошел Ладыженский, молча взял мою палитру и кисти и стал смешивать краски, составляя тона. Он просидел за моим мольбертом два часа и написал небольшой кусок натюрморта. Эти два часа я считаю самыми важными в моей жизни: Ладыженский за эти два часа открыл мне глаза на понимание натуры и научил меня работать. ...Его обучение было наглядным и убедительным. Он показывал, как нужно работать, а проделывал это молча, потому что вообще не любил много говорить. ...Ладыженский дал мне все, что требовалось для будущего художника. Я учился в Академии художеств у многих профессоров, не исключая и Репина, но считаю, что те два часа, которые провел у моего холста Ладыженский, дали мне не меньше, чем все годы обучения в Академии...» [2, с. 26]. Метод показа дополнялся импровизированными мастер-классами и краткими комментариями в отношении ученических этюдов: «Иногда Ладыженский отпирывался с нами за го-

род на этюды и сам тоже писал. Его замечания были кратки, но метки. Один ученик впадал в черноту на пленере. Ладыженский подошел к его этюду, ухмыльнулся и вымолвил одно только слово: «брюне... е... точка» [8].

П.А. Нилус отметил, что у Ладыженского «как у всякого хорошего учителя, была незаменимая черта – он очень любил беседовать с учениками, – это настоящая наука и есть. И потом, в этих разговорах была та заманчивость, «туманна даль», которая только и питает будущего художника, заставляет его думать, добиваться правды по-своему. Потом еще очень хорошая черта Ладыженского-педагога – он редко «исправлял» работы учеников, приводил их в «приличный вид»... Самая лучшая поправка всегда окажется шелковой заплатой на рубище – нет сил человеческих зрелому художнику приноровиться к лепету ученика... Будущего художника учит лишь руководящая идея учителя, работы товарищей, но никак не вмешательство в работу ученика учителя» [7]. Уважение к личности будущих художников отмечал и А.Н. Стилиануди: «...Ладыженский не угнетал своих учеников, не навязывал им свое «я»... Помню, как-то зашел в наш натюрмортный класс профессор Никодим Павлович Кондаков – знаток византийской живописи. Он был представителем от Академии в нашей школе. Ладыженский показывал ему наши работы и особенно гордился, что каждый пишет по-своему, и это было действительно так» [8]. Н.П. Кондаков заведовал в 1883–1894 гг. Рисовальной школой Одесского общества изящных искусств и дал высокую оценку рисункам учеников Школы в его письме к вице-президенту Академии художеств графу И.И. Толстому: «Я был в Одессе в Школе, видел весь персонал Совета, учителей и пр., пришел в восторг от рисунков, ликовал, если хотите...» [3, с. 732].

Учитель Г.А. Ладыженского профессор М.К. Клодт требовал тщательной проработки всех деталей изображаемой натуры, того принципа придерживался и Геннадий Александрович: «Ладыженский говорил часто: «Вы мне на... пи... ши... те травинку, тра...винку! И я скажу, что вы художник» [8]. Подобные мысли высказывал и М.К. Клодт: «картина должна быть совершенно окончена как в общем, так и в деталях» [1, с. 7], таким образом, обнаруживается преемственность академических принципов в преподавании живописи от учителя к ученику.

Ладыженский учил и воспитывал не только показом и беседами, но и собственным отношением к искусству, обществу и отдельному человеку, что часто определялось свойствами его характера: «...он не любил, когда с ним не соглашались. Помню, как-то раз мы писали довольно сложный натюрморт. На аналое стоял образ в окладе под стеклом перед лампадкой красного стекла. Отражение

на нижней половине образа имело еле уловимый красноватый нюанс, а верхняя половина была залита тепловатым огоньком света. Ладыженскому что-то не понравилось в исполнении, и он стал ему [ученику] указывать, что он якобы неправильно преломляет отражение в стекле образа. Ученик был завзятый юноша. Подошел к образу, приподнял лампадку и наглядно показал, как изменилось отражение. Ладыженский скривился от неудовольствия, убедился, что был не прав, но зато долго игнорировал этого ученика и не подходил к нему» [8]. Однако заслужившие симпатию Ладыженского, могли рассчитывать на его расположение и помощь. В личном архиве художника, хранящемся в Кологривском музее, имеется письмо к Ладыженскому от некоего Петра Окулова, в котором последний просит художника как преподавателя школы за одного из учеников, который не успел вовремя сдать общие дисциплины, что грозило последнему отчислением. Автор письма просит Ладыженского использовать все его влияние и заканчивает письмо многоговорящими словами: «...и скажет Вам пребольшое спасибо будущий художник».

Многое сделал Ладыженский для поддержания престижа Одесской рисовальной школы. Едва начав в ней работать, художник пишет подробный, полный возмущения доклад в Академию художеств: «Ученики предоставлены сами себе... многие слоняются зря, без призрения – полны сомнений... Рисунки их очень жестки, грубы и замучены. Что касается контуры и выработки формы, то эта сторона очень и очень слаба. Живопись... слаба до последней возможности. Ни чувства красоты, ни понимания картины, ни рисунка» [10, с. 26]. Следствием письма явилось вмешательство Академии в дела Одесской школы; кроме Л. Иорини все старые преподаватели были вынуждены оставить службу. На их место пришли молодые выпускники петербургской Академии художеств. Г.А. Ладыженский и К.К. Костанди стали ведущими педагогами. По проекту архитектора Ф.И. Моранди было простроено новое здание школы, в которой с 1885 года начали работать по новым программам.

Изложенные в письме Ладыженского факты не являются эмоциональным выплеском возмущения художника, но действительно имели место, на что указывает частная переписка И.И. Толстого и Н.П. Кондакова. «...В Одессе, как Вам, вероятно, известно, был Котов... Он сделал мне доклад по Одесской школе, вполне согласный с нашими воззрениями: нужны деньги, нужен порядок, нужны права; Матвеева желательно удалить; Костанди и Ладыженский прекрасны и симпатичны большинству преподавателей предметов» [3, с. 683]. В письмах Н.П. Кондакова педагог Г.А. Ладыженский неизменно упоминается положительно во всех отношениях.

Педагогическая и общественная деятельность Ладыженского неоднократно отмечалась при его жизни. В личном архиве художника в музее г. Кологрива имеются подтверждающие это документы. Так, 23 февраля 1891 года «Его Высокоблагородию, Г.А. Ладыженскому, преподавателю Одесского реального училища» пишет директор училища А. Соколов письмо следующего содержания: «М.Г. Геннадий Александрович! Приятным для себя долгом считаю уведомить Вас, М.Г., что Совет Императорской Академии художеств, согласно постановлению особой комиссии, рассматривавшей ученические работы по рисованию, предоставленные на девятый очередной конкурс, в заседании своем 18 января 1891 года постановил: за полезную и вполне успешную деятельность выразит Вам благодарность. Это постановление Совета удостоилось утверждения Августейшего Президента Академии художеств. Вместе с сим имею честь препроводить Вам, в засвидетельствованной копии, отношение канцелярии Императорской Академии художеств от 16 сего февраля за № 599. С совершенным почтением А. Соколов».

5 мая 1892 года «Господину преподавателю Одесского реального училища Геннадию Ладыженскому» была вручена бумага из Императорской Академии художеств, уведомляющая о том, что «Государь Император, согласно удостоению Комитета гг. Министров, всемилостивейшее соизволил в 26 день Декабря 1891 года пожаловать Вам за отлично усердную службу и особые труды орден Святого Станислава 3-й степени».

Итак, на основании вышеизложенного можно определить основные принципы педагогической деятельности художника Г.А. Ладыженского, позволявшие достичь высоких результатов в преподавании рисунка и живописи. Эти принципы можно оформить в следующие тезисы:

- последовательное использование академических принципов преподавания позволяет дать высокий уровень художественного образования;
- необходимо особое внимание одаренным и способным ученикам, так как в данном случае в большей степени возможен положительный результат обучения;
- осмысленное наблюдение и такое же осмысленное воплощение натуры – залог успеха;
- метод показа при внимании ученика к работе учителя является наиболее эффективным;
- беседы с учениками дают правильное понимание искусства и убежденность в его социальной значимости;
- минимум учительских исправлений в работе ученика способствует развитию самостоятельного творческого почерка будущего художника;
- особое значение для качества художественного образования имеют атмосфера школы и профессиональные качества всего коллектива преподавателей.

Библиографический список

1. Беспалова Л. Михаил Александрович Клодт. 1832–1902. – М.: Гос. изд-во «Искусство», 1952. – 31 с.
 2. Бродский И.И. Мой творческий путь. – Л.; М.: Гос. изд. «Искусство», 1940. – 130 с.
 3. Во главе императорской Академии художеств... Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. – М., 2009. – 940 с.
 4. Гонзаль А.П., Котин А.В. Г.А. Ладыженский: К 40-летию со дня смерти Г.А. Ладыженского. – Рукопись. 1956. Хранится в семье потомков художника, СПб.
 5. Гонзаль А.П., Котин А.В. Художник-педагог Г.А. Ладыженский // Искусство. – 1959. – № 7. – С. 61–64.

6. Молева Н., Белютин Э. Русская художественная школа второй половины XIX – начала XX века. – М.: Искусство, 1967. – 391 с.
 7. Нилус П.О. Впечатления. Художник Г.А. Ладыженский // Одесский листок. – 1916. – 18 сентября (№ 254).
 8. Стилиануди А.Н. Воспоминания об одном очаге культуры в старой Одессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.odessitclub.org/publications/almanac/alm_17/alm_17_152-165.pdf
 9. Шевелев С. Одесское художественное училище в период первой русской революции // Искусство. – 1978. – № 3. – С. 61–63.
 10. Шустер А.Н. Кириак Константинович Костанди. – Л.: Художник РСФСР, 1975. – 136 с.

УДК 37.015

Иохвидов Владимир Вячиславович

кандидат педагогических наук

Веселова Валерия Григорьевна

кандидат педагогических наук, доцент

Филиал Ставропольского государственного педагогического института, г. Ессентуки

vovaio@mail.ru, vlnauka@mail.ru

**ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ
ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ В.М. БЛИНОВА**

В статье рассматриваются вопросы теории эффективности обучения как категории дидактики, механизм определения эффективности, рассмотрены критерии измерения эффективности учебной деятельности.

Ключевые слова: эффективность обучения, учебная деятельность, качество обучения, эффективность.

Создание условий для осуществления всеобщего обязательного бесплатного среднего образования в 1970–1980 гг. и повсеместная его реализация в 1980-е годы связывались с дальнейшей идеологизацией учебно-воспитательной работы. Актуальной становилась проблема сокращения второгодничества, повышения качества знаний. Развивалось массовое педагогическое творчество учителей в русле господствовавшей партийной идеологии. Предпринимались попытки реформирования школы (1985) применительно к условиям ускорения экономического и социального развития общества. Эти факторы обусловили новые подходы к решению проблемы повышения эффективности не только урока, но и всего процесса обучения в школе.

С середины 1970-х годов предпринималась попытка раскрыть методологический аспект проблемы повышения эффективности обучения.

В.М. Блинов исследовал теорию эффективности обучения как категорию дидактики, основанную на положениях системы деятельности.

На наш взгляд, автор предпринял удачную попытку выявить пробелы в теории повышения эффективности обучения и указать пути их устранения. Важно было установить, как в дидактике характеризуется эффективность обучения с содержательной точки зрения, в какой мере это понятие, заимство-

ванное из общенаучного обихода, ассимилировалось и приобрело специфическую дидактическую окраску. При рассмотрении этого вопроса Блинов выявил, в чем заключается дидактический смысл такого качества обучения, которое называют эффективностью и насколько адекватны этой цели применяемые средства. Он показал, что ставшее уже тривиальным название «эффективный» может оказаться словом, лишенным научного значения, если не придать ему специально педагогический смысл, с одной стороны, а с другой – требуется очертить с возможной строгостью его объем как научного понятия.

Эффективность, с точки зрения качества получаемых в обучении результатов, тесно связана с понятием – «оптимальность», которое указывает на способ получения этих результатов. Исходя из этого, наиболее эффективными результаты будут в том случае, когда путь обучения и другие условия их достижения будут оптимальными. Таким образом, эффективность обучения есть производное качество, одно из основных следствий оптимизации обучения. В связи с этим, автор считал, что на первый взгляд в требованиях оптимизации и эффективности обучения как будто не содержится ничего нового, поскольку любой педагог интуитивно всегда стремится обучать лучшим образом и получать наиболее высокие результаты. Тем не менее, при более строгом, научном рассмотрении вопросов